

Анри де Ренье

Поездка на остров Кордик

*Часть сборника
Маркиз д'Амеркер (сборник)*

Анри де Ренье

Поездка на остров Кордик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22823179

Аннотация

«С шумом захлопнутая дверь пробудила эхо, дремавшее в глубине длинной галереи между двух кариатид, что стояли в конце ее. Каменные бедра поддерживали их торсы из бледного мрамора, отливавшие вечной испариной, и сплетения их поднятых рук подпирали высокий золотой потолок. Мозаика пола мерцала, и я шел медленными шагами в гулкой пустоте этого места, размышляя о том, что душа государя была скользкой и опасной, как эти плиты, и так же испещрена странными фигурами и переплетенными арабесками...»

Анри де Ренье

Поездка на остров Кордик

С шумом захлопнутая дверь пробудила эхо, дремавшее в глубине длинной галереи между двух кариатид, что стояли в конце ее. Каменные бедра поддерживали их торсы из бледного мрамора, отливавшие вечной испариной, и сплетения их поднятых рук подпирали высокий золотой потолок. Мозаика пола мерцала, и я шел медленными шагами в гулкой пустоте этого места, размышляя о том, что душа государя была скользкой и опасной, как эти плиты, и так же испещрена странными фигурами и переплетенными арабесками.

Несогласие, возникшее между его высочеством и мною, тревожило меня. Мое упорство столкнулось с его капризом. Целый час он силился побороть то, что он называл моим прямым. Я снова видел его в обширном кабинете, наполненном оружием и куклами, так как он увлекался стальными лезвиями и любил играть уродцами; он был знатоком мечей и марионеток; он имел пристрастие к доспехам на стенах и к чучелам, он собрал целую коллекцию одних и большое собрание других; но в глубине души оружие занимало его меньше, чем марионетки. Их лица из раскрашенного воска, их тряпичное тело, руки из гибких прутьев были удобны для игры в гримировку, в наряды и позы, для переодеваний в различные костюмы и мундиры, и маленький рост их служил

государю для опытов в миниатюре; по ним он регламентировал затем форменную одежду солдат, ливреи и даже дамские туалеты; он считал себя в этом весьма искусным, и сам заимствовал иногда кое-что от своих кукол, не столько ради развлечения, сколько с тайной надеждой вызвать удивление грациозностью своих переодеваний и изяществом маскарадов.

Я снова видел его, окруженным своими куклами и настаивающим с упорством маниака, соединенным с опытностью дипломата, на том, к чему он желал склонить меня. Временами он останавливался перед зеркалом, чтобы оправиться, и я видел отражение его беловатого лица и большого носа; полы кафтана задевали его по ногам, и он возвращался ко мне, желая, в конце концов, больше настоять на своем, чем убедить меня в правоте своего мнения. Характер государя был мне достаточно известен, чтобы в обыкновенных случаях, с помощью какой-нибудь увертки, ускользнуть от насильий его фантазии и от западной его настроений, но на этот раз гнев делал его ясновидящим, и ничто не могло отклонить его от задуманного предприятия, ничто, даже смешные стороны, на которые я указывал ему, доведенный до крайности, рискуя этим вызвать опасную вспышку его тщеславия. Все было напрасно, и по легкому дрожанию его и по нехорошему свету его желтых глаз, я понял, что кривые пути привели меня к тому перекрестку, откуда расходятся дороги, что легко могут оказаться дорогами опалы.

Я вернулся домой, чтобы размыслить о трудности моего положения, и все еще искал средства выйти из неприятного осложнения, когда, на другой день утром, мне принесли эстафету. Его высочество приказал мне собраться, не медля, на остров Кордик, оставить мою карету на берегу и переправиться одному, чтобы явиться в известное место; где я найду его инструкции. Поборов свою тревогу, я решил счесть за доброе предзнаменование тот оборот, который принимали события. Высочайший гнев казался мне слабеющим и я возымел надежду ускользнуть от последствий, опасаться которых заставляла меня одну минуту его чрезмерность; скучное путешествие и в конце какое-нибудь дурачество, которому я охотно подчинюсь, представлялись мне возможным исходом. Часто подобные приключения разрешались таким образом, и на ухо сообщались случаи, когда очень важные особы должны были претерпеть, как наказание, злостные буффонады государя-маниака, забавная злопамятность которого удовлетворялась посмеянием или досаждением, и я решил охотно прибавить за свой счет еще лишний рассказ к легендам, делавшим из нашего странного господина тему для сочинителей романов и рассказчиков новостей. Во всяком случае, он принадлежал гораздо больше анекдоту, чем истории. Его маленький двор был удивителен. Падения там были похожи на кувыркания, акробатничество честолюбий соседило с пируэтами тщеславий.

Тяжелые лошади с заплетенными хвостами били копыта-

ми о мостовую. Кучер подбоченился на своих козлах; я сел, дверца хлопнула, колеса завертелись, карета миновала ограду. Дворец высился в глубине большой площади, сероватый в утреннем сумраке. Почетный двор был пуст. За стеклом одного окна в северном крыле, где находились личные апартаменты государя, я заметил его, наблюдавшего за моим отъездом, приподняв рукой занавеску, которую он опустил, когда я проезжал.

Дорога мчалась, дерево за деревом, межа за межей, город за городом. Почтовые станции чередовались с гостиницами; звенели сводчатые мосты; подъемы замедляли лошадей, которые рвались на спусках; паром перевез меня через реку.

Я никогда не посещал острова Кордик. Опасный морской пролив отделял от побережья его рыбацкий порт и его невозделанные земли... К утру третьего дня я почувствовал близость моря. Деревья росли кривые, малорослые, узлистые, как бы для того, чтобы лучше противиться своими карликовыми мускулами натискам ветра. Воздух свежел. На одном повороте я увидел воды. Они простирались, нежно-серые под бледным небом. Вскоре дорога свернула на узкий полуостров, каменистый и песчаный, лишенный всякой растительности вплоть до смиренной деревушки на его оконечности... Карета остановилась, я слез. Море шумело предомною на маленькой отмели, по которой мягко отпечатывались следы. Несколько лодок стояло в бухте одна из них согласилась перевезти меня на остров: я отплыл, взяв с собой

дождевой плащ, и глядя, как уменьшается мало-помалу на берегу моя карета, неподвижная, с толстым кучером в зеленой ливрее, со своими расписными Дверцами и лошадьми в яблоках, рывшими копытом влажный песок, в котором уже сочилась вода прилива.

Лодка медленно покачивалась; вода вокруг нее становилась синей под ясным небом. Волны вздували свои зеленоватые округлости; иногда одна разверзалась пеной, большинство же выгибало свои спины неприметными хребтами. Глубокое внутреннее движение, воодушевляло их, мачта скрипела. Якорь, еще струясь той глубиной, откуда его вытащили, сжимал свои крабьи клешни; он лежал на палубе, ракообразный и шершавый; кружили чайки. Наконец, появился на горизонте берег, сперва низкий, и стал расти мало-помалу. Он выходил из моря по мере того, как мы приближались; скоро мы увидели его высокие туманные скалы; они рисовались все четче. Мы плыли вблизи острова; обогнув каменный мыс, мы увидели порт. Очутившись на берегу, я направился в поиски за гостиницей, а затем пошел бродить вдоль моря. Отлив обнажил дно бухты; водоросли сочились между плит набережной, они свисали, липкие и лоснящиеся. Дети играли, катая валуны по плитам. Курил, чиня парус, старый рыбак.

Мне захотелось взобраться на прибрежный утес, куда вела тропинка, обрывистая и поросшая травой. мех рыжих вересков покрывал его спину; оголенные его бедра отвесно па-

дали в море. Терпкий зной накалял камень. С конечной точки моего пути раскрывался вид на часть острова. Она была продолговата, лишена деревьев, ужасала пустынностью своих мхов, похожих на шерсть, из-под которых проступали лбы камней – костяк ее бурой наготы.

Солнце село, багрянея, весь остров стал сиреневым, как бы обветшав во внезапной осени сумерек. По морю скользили кое-где возвращающиеся лодки... Землисто-желтые паруса были похожи на увядшие листья – единственные, которые ветер носил вокруг этого острова, лишённого деревьев, где я невольно спрашивал себя, с какой, собственно, целью отправил меня государь, и где, благодаря скуке, которую» я уже начал испытывать, раздражение его для меня обращалось в мщение.

Паруса цвета охры все еще скитались по лиловатому морю. Геральдические облака покрывали гербами небо; баркасы вошли в порт в то время, когда я спустился; гостиница моя выходила на набережную, и вечером, поднявшись в свою комнату, я слышал, как они, пленные в гавани, глухо жаловались и терлись канатами своих якорей.

Когда я проснулся на следующий день, небо было серо и плотно; резкий ветер вытягивал бегущие облака; зеленоватое море белело пеной, и натиск волн тревожил скалы. Я взял проводника, чтобы он довел меня до указанного места, где должна была разрешиться загадка моего путешествия.

Место это было – каменный стол, расположенный на юж-

ной оконечности острова. Мы пересекали нескончаемые верески; паслись стада черных баранов. Каждый из них был привязан веревкой к колу, чтобы стада не перепутались. Они спокойно жевали. Приближение наше пугало их. И они, как бы охваченные безумием, начинали кружиться вокруг своих кольев, и на этой дикой равнине эти бараны-колдуны, казалось, чертили зловещие круги.

Я расспрашивал человека, который меня вел. Он рассказал мне о страшных зимах на острове, об ураганах, кидающихся приступом на берега, о распахивающихся дверях, об опрокинутых домах, о жителях, принужденных ползать от силы ветра, обо всем этом несчастном зверином племени, защищающемся от непогоды скотскими позами и шерстяными одеждами. Мы все шли; ветер крепчал по мере того, как местность повышалась. Чувствовалась его хватка. Его угрюмость переходила в грубость; коварные нападения обманывали; даже его исчезновение сбивало с толку. Мы были теперь на плоскогорье, отвесно рухнувшем в море глыбами, снизу штурмуемыми приливом. Это был двойной вопль, один несвязный, другой застывший. Ключья пены пролетали над головой.

Высокий каменный стол подымался в этом месте. Там под осколком скалы я нашел, как меня и предупреждали, высочайший приказ; я прочел, ошеломленный, что в том случае, если стану упорствовать, изгнание в этой суровой земле вразумит меня. Надо было выбирать на месте. Жестокость это-

го приговора показала мне всю его серьезность. Ожидаемое дурачество принимало трагическую личину. Огоньки в желтых глазах мне не солгали.

Я поглядел вокруг. С самого горизонта устремлялись огромные взводни. Их сила взрывалась белыми пенами, угрюмые скалы отражали свирепый прибой. Их зевы и крупы противились натиску валов, изрытая пену и струясь влагой. Ветер свистел в жестких травах. Гордость моя возмутилась; смятение моря вошло в мою душу; я блуждал в течение всего дня. Я слишком хорошо знал полицию его высочества, чтобы мечтать о побеге. Жребий казался неотвратимым. Я понял ошибку своей дерзости. Воспротивившись капризу маниака, я задел тщеславие деспота, и в опасном манекене, слишком часто служившем мне предметом забавы, моя бравада пробудила наследственную злопамятность потомка древней расы, семена которой пребывали скрытые в душе этого странного высочества. Я забыл, что в том кабинете, где были собраны куклы и оружие, одиноко, в стороне, под золотым орлом с развернутыми крыльями, рука Справедливости из пожелтевшей слоновой кости сжимала на стене свой грубый кулак, кулак предка – основателя династии.

Я ходил весь день. Я спускался к маленьким отмелям, выщербленным среди яростных скал. Песок там был розовый, синеватый или серый, иногда почти красный, я открывал гроты, зеленовато-золотистые, полные кругляков, водорослей и раковин, со сталактитами, которые делали их похо-

жими на внутренность фантастических карет. Вся моя жизнь припомнилась мне со всеми ее празднествами, маскарадами и наслаждениями. Я слышал смех женщин. Обнаженные, одна за другой, вставали они из моря. Я понял тогда обаяние любви и радость красоты... Я чувствовал себя к ним влекомым всеми силами моей юности, которую нежданный приказ неволил к внезапному выбору между гордостью и вожделем. Я возвратился в маленький порт. Вечер был печален.

Снова я видел черных баранов, кружащихся около своих кольев; мне казалось, что они чертят вокруг меня магические круги, как если бы они заговаривали мою судьбу зловещими знаками своего головокружительного плена. Пленные баркасы тоже стонали на якорях. Они не могли выйти сегодня в море. Моряки, собравшиеся без дела на набережной, спали или играли в кости. Один из них, очень старый, долго глядел, как я хожу взад и вперед, после отвернулся с презрением и плюнул на землю.

Он угадывал, быть может, низость моего тайного упадка сил; страх изгнания сломил мою гордость; вожделения моей молодости влекли меня вдаль от ужасного острова, смысла которого я не понял, и горького величия которого я не почувствовал. На следующий день я уже был на материке. Лошади в яблоках взвивались в моей упряжке, кучер в зеленой ливрее хлестал их лоснящиеся крупы, заплетенные хвосты отгоняли мух, в расписных дверцах отражалась дорога, дерево за деревом; решетка моего дома растворилась передо

мною. Мозаики галереи переплетали под моими ногами свои фигуры и арабески, и, в обширном государевом кабинете, переполненном куклами и мечами, против древнего кулака из слоновой кости, чью тяжесть я испытал на своем плече, перед этим насмешливым и смягчившимся фантошем, расставившим свои тощие ноги и распускаявшим павлиний хвост своего мундира в круглых бриллиантовых звездах, я склонился, в знак моей покорности, к руке, которую его высочество изволило протянуть, и поцеловал перстень с печатью, оттиск которой я узнал на том письме, что свирепый ветер вырвал у меня из рук и унес в море, бушевавшее вокруг обнаженного, скалистого и пустынного острова Кордик.